Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ 9

ГЛАВА 1
ВВОДНАЯ 12
Природа коллективного действия 12
Теория коллективного действия 18
Компоненты коллективного действия 20
Группы, события и движения 23
О том, что вы найдете в этой книге 25

ГЛАВА 2
ОСНОВНЫЕ ТЕОРИИ И ПОДХОДЫ
К КОЛЛЕКТИВНОМУ ДЕЙСТВИЮ 27
Маркс о 1848 годе 27
Дюркгейм 32
Дюркгеймианская традиция 37
Милль и утилитаристы 42
Коллективный выбор 45
Стратегическое взаимодействие 50
Милль и псевдо-Милль 56
Вебер 59
Общественные движения 62
Марксовский анализ после Маркса 67
Коллективная история коллективного действия 72
Наша задача 76

ГЛАВА 3
ИНТЕРЕСЫ, ОРГАНИЗАЦИЯ И МОБИЛИЗАЦИЯ 80
Элементарные модели 80
Простое описание коллективного действия 84

Интересы 89
Организация 93
Мобилизация 101
Измерение мобилизации 115
Общие условия мобилизации. 118
От мобилизации к коллективному действию 123
Выявление и измерение коллективного действия 130

ГЛАВА 4
ВОЗМОЖНОСТЬ СОВМЕСТНОГО ДЕЙСТВИЯ 140
От мобилизации к возможности 140
Репрессия и помощь 142
Репрессивные и толерантные правительства 152
Власть 162
Стороны 165
Интересы 166
Взаимодействия 168
Измерение власти 169
Власть и членство в политической системе 175
Обнаружение изменений в членстве в политической системе 177
Возможность/угроза 187
Взаимодействие мобилизации и возможности 193

ГЛАВА 5
ИЗМЕНЕНИЕ ФОРМ КОЛЛЕКТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ 200
Формы борьбы 200
Репертуары коллективного действия 211
В качестве примера: забастовка 221
Выборы, демонстрации и политические системы 232

ГЛАВА 6
КОЛЛЕКТИВНОЕ НАСИЛИЕ 239
Британские драки как коллективное насилие 239
Насилие: понятие и реальность 242
Некоторые очертания насилия 246
Насилие в Америке 247
Политическое действие и вовлеченность в насилие 250
Изменение контекстов коллективного насилия 256

ГЛАВА 7
РЕВОЛЮЦИЯ И ВОССТАНИЕ 263
Революционные ситуации и результаты революции. 263
Революционные ситуации. 265
Результаты революции. 268
Комбинация ситуаций и результатов 270
Непосредственные причины революционных ситуаций . . .277
Альтернативы существующей политической системы 280
Принятие альтернативных требований. 283
Бездействие правительств 290
Непосредственные причины революционных результатов . . .294
Коалиции между членами политической
системы и претендентами. 295
Контроль над существенными силами 298
Революционные события и коллективное насилие 300
Революционные результаты
и дальнейшие структурные изменения. 305

ГЛАВА 8
ЗАКЛЮЧЕНИЯ И НОВЫЕ НАЧИНАНИЯ 309
Возвращаясь к XVIII веку 309
Теоретизирование о коллективных действиях 315
Важность истории 320
История коллективного действия в современной Франции . . .326
В качестве последнего примера:
сельское коллективное действие в Бургундии 331

ПРИЛОЖЕНИЕ I
ПРОЦЕДУРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАБАСТОВОК
И КОЛЛЕКТИВНОГО НАСИЛИЯ ВО ФРАНЦИИ 336

ПРИЛОЖЕНИЕ II
МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
КОЛЛЕКТИВНОГО НАСИЛИЯ ВО ФРАНЦИИ. 349

ПРИЛОЖЕНИЕ III
ПРОЦЕДУРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНКУРЕНТНЫХ
СОБРАНИЙ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ 370

ПРИЛОЖЕНИЕ IV
МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНКУРЕНТНЫХ
СОБРАНИЙ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ 388

БИБЛИОГРАФИЯ 408

Луизе
с любовью, восхищением,
а иногда и с раздражением

Предисловие

Мои друзья распознали в этой книге именно то, чем она и является — кашу из топора. Подобно лукавому солдату из сказки я налил в котел воды, положил топор, а затем просил других положить любых ингредиентов, каких не жалко. И они много всего добавили в эту кашу. Более того, они сделали чудо — топор уварился и стал съедобным. Но вышла ли каша действительно вкусной, решать читателю.

Некоторые разделы этой книги были написаны как меморандум к довольно оживленному семинару, который в свое время проходил в Центре исследований разрешения конфликтов в Мичиганском университете. Клинт Финк, Боб Хефнер, Билл Гэмсон, Джоан Линд, Элизабет Конверс и Ди Вернетт внесли свой плодотворный вклад в книгу еще на стадии существования семинара. Другие разделы книги появились как письменные дополнения к дискуссиям с друзьями, студентами и коллегами (я рад, что эти три категории не являются взаимоисключающими) в Мичиганском центре исследований социальной организации. Гэмсон, Линд и Вернетт вновь не давали мне покоя, теперь к ним в разное время присоединялись Боб Коул, Макс Хейрих, Луиза Тилли, Дэвид Снайдер, Франк Манджер, Брюс Файрман, Бил Рой и Рон Аминзаде. Целые части книги базируются на материалах неопубликованных статей, которые годами ходили между моими коллегами и студентами под заголовком «От мобилизации к политическому конфликту» и «Революции и коллективное действие». (Одна из версий второй статьи даже была напечатана в третьем томе «Справочника по политологии» под редакцией Фреда И. Гринстейна и Нельсона Полсби, выпущенном в 1975 г. издательством «Addison-Wesley».) Любой, кто поближе при-

смотрится к сваренной каше, легко узнает ингредиенты. Гурман, который будет ею угощаться, также заметит, что я измельчил, смешал, уменьшил пропорции и приправил все перечисленные ингредиенты, так что лишь немногие из них остались в своем изначальном виде.

Несколько слов о восьми отзывах на первый вариант этой книги. Большинство, увы, были критическими, хотя они оправдывали свою критику тем, что похвала не принесет мне никакой пользы. Рон Аминзаде, Линн Иден, Брюс Файрман, Тони Обершаль, Билл Рой, Ян Смит и Майк Азем написали особенно глубокие рецензии. В итоге я переписал исходную рукопись и увеличил количество глав с четырех до восьми. Луиза Тилли, напротив, была настолько занята ее собственными проектами во время работы над этой книги, что не смогла выкроить время, чтобы написать свойственную ей беспощадную рецензию, анализирующую рукопись строчка за строчкой. Пришлось согласиться на ее быстрые советы и безапелляционные замечания. Вероятно, это даже пошло мне на пользу. Я могу поблагодарить ее за то, что книга вышла на несколько месяцев раньше, и в шутку укорить за оставшиеся в ней ошибки и описки.

Сандра Эренс, Энн Долинка, Маргарет Гриллот, Пэм Юм, Рут Льюис, Мери Ненсевиц, Роз Сири, Кэти Варго и Барбара Уайт помогли подготовить различные версии рукописи, а Марта Гест и Бобби Швайцер успешно поработали с библиографией. За помощь в изучении Франции и Британии, к примерам которых эта книга постоянно отсылает, я в особом долгу перед Присциллой Чивер, Лейлой Ал Имад, Элизабет МакДональд, Шанталь Бансильон, Майком Поленом и Бобби Швайцером.

И да, конечно же, отдельное спасибо за деньги. В последние годы Национальный научный фонд обеспечивал щедрую поддержку исследованиям, которые лежат в основе этой книги. Я также благодарен Дональду Плоху из упомянутого фонда за его поддержку. Стипендия Гуггенхайма и Гудзонская научно-исследовательская стипендия Мичиганского университета дали мне возможность написать первый черновик. Совместная поддержка Высшей школы социальных наук и фонда «Дом наук о человеке» дали огромный импульс моей работе во Франции.

И последнее о каше из топора — она далеко не объедение вплоть до последней ложки. На дне котла по-прежнему — топор.

Даже чудодейственная помощь и заклинания моих друзей не смогли до конца растворить топор, с которого я начинал. За этот топорный осадок я в ответе вдвойне: за то, что плохо ставил вопросы и отвечал на них; и хуже того за то, что зная это, оставлял плохие вопросы и плохие ответы. Почему я так поступал? Потому что, в энный раз переписывая книгу, я понял, что эта каша и есть моя жизнь. И есть будущее: раскладывать по тарелкам сваренную кашу, добавляя и топорный осадок, собирая в ответ рецепты и жалобы, стараясь улучшить вкус и питательную ценность, но никогда не снимать котел с огня. До тех пор, пока вокруг друзья и добрые люди, готовые поделится ингредиентами, каши из топора хватит на всех.

Чарльз Тилли

Энн-Арбор, Мичиган,
январь 1978 г.

Глава 1
Вводная

ПРИРОДА КОЛЛЕКТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ

1765 год был оживленным годом как в Англии, так и в Америке. Новости, приходящие из американских колоний, описывали обычные конфликты: стычки между контрабандистами и таможенниками, индейцами и поселенцами, попытки приграничных жителей «взять власть в свои руки». По-настоящему большой новостью из Америки стало неподчинение британскому Акту о гербовом сборе[1]. Использование дорогостоящей гербовой бумаги для официальных сделок должно было вступить в силу с 1 ноября. Задолго до этого анонимные предупреждения и решительно настроенные толпы людей стали угрожать каждому, кто выказывал признаки готовности соблюдать закон о гербовом сборе. В Бостоне, как и в других городах, жители устраивали красочные уличные представления с самодельными виселицами, транспарантами и чучелами королевских чиновников. Иногда они громили и грабили здания, предназначенные для гербовых агентств и государственных служащих. Они успешно заблокировали применение акта в американских колониях. При помощи их союзников в Англии акт был отменен в марте 1766 г. С этого скоординированного сопротивления началась почти десятилетняя

[1] Акт о гербовом сборе (Stamp Act), принят в 1765 г. Посредством него британский парламент обложил прямым налогом американские колонии. Этот закон требовал, чтобы законодательные акты, журналы, газеты и многие другие издания выходили на гербовой бумаге, производимой в Лондоне. Закон встретил сильное сопротивление в колониях и внес вклад в формирование американского освободительного движения. — *Примеч. пер.*

борьба внутри американских колоний, которая в итоге вылилась в великое противостояние между колониями и Англией. Америка была уже на пути к революции.

В Англии к американским событиям отнеслись с пониманием. Например, в начале марта 1766 г. «...свыше двух сотен членов палаты представителей внесли в палату лордов законопроект об отмене Акта о гербовом сборе; примеров такого единогласия по поводу одного-единственного акта нет в памяти старшего поколения» (Annual Register, 1766, p. 72). Тем не менее большинство заметных конфликтов в Англии 1765–1766 гг. было связаны с внутренними проблемами. Портные начали забастовку, ткачи двинулись на парламент с требованием недопущения иностранной конкуренции, шерифы Лондона устроили шествие с петицией о государственных действиях по снижению цен на продовольствие, сельчане захватывали продовольствие и продавали его по собственным ценам, горожане атаковали сборщиков, назначенных для реализации предназначенной для Англии версии Акта о гербовом сборе. И это было еще не все. 12 августа, недалеко от Ипсвича:

> Нарушая общественное спокойствие, группа людей собралась, чтобы сровнять с землей дом трудолюбия, недавно возведенный в Нектоне <...> их смелость доходила до такой степени, что ни увещевания должностных лиц о незаконности их намерений, каковую они открыто признавали, ни зачитанные и объясненные им последствия Закона о бунтах[2], ни появление регулярных конных и пеших отрядов графства, по-видимому, не произвели на них ни малейшего впечатления; более того, хотя прокламация была оглашена им громким голосом и они, казалось, слушали ее внимательно, ни один человек не сдвинулся с места (Annual Register, 1765, p. 116–117).

Напротив, пока войска готовились к атаке, толпа из 100 человек или около того, «вооруженная чем попало: орудиями для уборки гороха, кольями, дубинами, обрушилась на конницу и пехоту, но дело было окончено в пять минут». В назидание другим солдаты арестовали семерых и разогнали остальных.

---

[2] Закон о бунтах (Riot Act) — так называемый Закон об охране общественного спокойствия и порядка, вступивший в силу в 1715 г. в Англии. Давал полномочия местным властям применить силу для разгона незаконно собравшейся группы из 12 человек или более, в случае если они не разойдутся сами в течение часа после прочтения им соответствующего закона. — *Примеч. пер.*

Был ли это бунт? В формально-юридическом смысле это было так: 12 человек или более того в действительности собрались с явными намерениями, которые местные власти могли обоснованно рассматривать как незаконные, собравшиеся не разошлись в течение часа — т.е. того времени, которое закон предоставлял после оглашения им представителями власти законодательства о бунтах. Однако в более слабом смысле неистовства, неразберихи или бессмысленного разрушения это событие не может быть квалифицировано как бунт. Обе стороны явно знали, что делают, и делали это как только могли. В этом правда о многих «беспорядках», о которых свидетельствует «Annual Register» за 1765 г.

«Домом трудолюбия» в Нектоне, который намеревалась уничтожить толпа, был недавно построенный работный дом. Бедные английские селяне долгое время получали пособие от прихода, проживая у себя дома. Эти пособия были жалкими, однако обеспечивали выживание. Пособия были правом бедняков. Это была «помощь извне». Теперь «помощь изнутри» угрожала вытеснением старой системы. Начиная с 1730-х годов многие местные власти Англии пытались справиться с растущим числом бедных посредством двух нововведений: помещения бедных в закрытые учреждения, где они работали под надзором государства, и объединения усилий нескольких близлежащих приходов по помощи бедным в рамках единого ведомства. Парламент легализовал оба нововведения. Строительство работных домов для нескольких приходов, таким образом, объединило обе меры. Это также позволило некоторым приходам уменьшить выплаты пособий и перенаправить своих бедняков куда-либо еще. Бедняки боролись за «внутренние пособия» во имя уже имеющихся прав.

В 1750-х годах лихорадку реформ подхватили и лендлорды с приходскими священниками недалеко от Ипсвича в графстве Саффолк. Адмирал Вернон пожертвовал землю в Нектон Хит для строительства нового работного дома. Строительством заведовала «комиссия синих лент»[3]. Дом трудолюбия Нектона стал своего рода прообразом остальных работных домов, начав в 1758 г. принимать

[3] «Комиссия синих лент» (blue-ribbon committee) — неформальный термин, обычно используется для обозначения группы исключительных лиц, экспертов, специалистов, назначаемых для решения или расследования конкретно-

нищих из соседних приходов. Тут приходских бедняков отправляли на работу: ткать мешки, вязать снасти, прясть шерсть [Webb, Webb, 1963, p. 127]. Однако к 1765 г. элитный надзор «синих лент» ослаб. Оказалось, что для заключенных в работные дома бедняков найти прибыльную работу довольно трудно. Более того, скооперировавшиеся приходы посылали в работные дома старых и молодых, здоровых и больных независимо от их трудоспособности. Неудивительно, что бедняки графства Саффолк сопротивлялись расширению подобной системы.

Движение против работного дома Нектона было одним из многих подобных конфликтов в 1765 г. За неделю до конфликта в работном доме Нектона «The Gentleman's Magazine» сообщал следующее:

> Несколько тысяч бунтовщиков собрались неподалеку от Саксмандхем в графстве Саффолк и уничтожили работный дом, в котором были трудоустроены бедняки. Они действовали под предлогом освобождения бедняков для помощи в сборке урожая, но на самом деле выступления были направлены против последнего акта парламента, недавно принятого для помощи беднякам округов Уилфорда и Лоеса и т.д. В подавлении бунта была задействована армия, несколько солдат лишились жизни, прежде чем бунтовщики были рассеяны (The Gentlemen's Magazine, 1765, p. 392).

В Саксмандхеме не только бедняки, но и многие из их менее обделенных соседей также считали новый институт работных домов неуместным и недопустимым.

Вот что на самом деле происходило во вторую неделю августа 1765 г.: бóльшая часть Саффолка была охвачена восстанием. Большая толпа сначала собралась в Викхем Маркет, когда там попечители бедняков из округов Уилфорда и Лоеса обсуждали план строительства нового работного дома. В результате толпа принудила попечителей подписать отказ от своего плана. Далее в течение недели мятежники двигались от одного работного дома к другому, круша здания и требуя от попечителей взять на себя обязательство не восстанавливать их. Они требовали, «чтобы с бедняками обращались как обычно, чтобы бедняки могли свободно располагаться

го дела. Этим термином, как правило, подчеркивается независимость от влияния политических или иных властей. — *Примеч. пер.*

и быть сами себе хозяевами» [Webb, Webb, 1963, p. 141–142]. В формально-юридическом смысле слова это были бунты. Но они явно были и чем-то бóльшим.

В столкновениях в Нектоне и Саксмандхеме проявились распространенные характеристики социальных конфликтов в Британии XVIII в. в целом. В то время как Давид Юм и Адам Смит разрабатывали соответствующие теории, обычные британцы боролись за право распоряжаться землей, трудом, капиталом и товарами. Нападения на работные дома, скоординированные сопротивления огораживаниям, голодные бунты и ряд других распространенных форм конфликта XVIII в. — все они постулировали имплицитную двухчастную теорию: во-первых, что члены данного локального сообщества обладают приоритетным правом на использование ресурсов, производимых или имеющихся в данном сообществе; во-вторых, что сообщество как таковое имеет своим приоритетным обязательством помощь слабым и лишенным ресурсов членам данного сообщества. И эти право и обязанность должны непременно обладать приоритетом как по отношению к любому индивидуальному интересу, так и по отношению к любому интересу за пределами сообщества. Эти право и обязанность должны даже иметь приоритет над интересами короны или страны в целом. Это было, в терминологии Э.П. Томпсона, плохо артикулированной, но влиятельной теорией «моральной экономии».

Тем не менее многие торговцы, промышленники, землевладельцы и местные власти предпочли бы другой, более современный вариант теории, состоящей из четырех частей: во-первых, все товары, включая рабочую силу, должны быть реализуемой собственностью; во-вторых, каждый собственник имеет право и даже в какой-то степени обязанность использовать собственность для своей выгоды; в-третьих, коллективный интерес, артикулируемый государством, имеет приоритет над местными интересами; в-четвертых, в целом коллективному интересу лучше всего служит рациональная, неограниченная погоня за личными интересами. К.Б. Макферсон назвал это теорией «собственнического индивидуализма». Эта четырехчастная теория куда более известна в наши дни. Она выражает некоторые основополагающие принципы современности. Но в XVIII в. теория собственнического индивидуализма была еще чем-то новым и спорным. Для того чтобы стать

доминирующей, она должна была вытеснить соперничающую теорию «моральной экономии». И хотя противоборствующие стороны в конфликтах при Нектоне и Саксмандхеме, как, собственно, и во многих других конфликтах Британии XVIII в., даже не мечтали выразить это в таких терминах, но их борьба была именно борьбой, в которой потерпела поражение моральная экономия и победил собственнический индивидуализм.

Не то чтобы бойцы с обеих сторон были всего лишь теоретиками, просто идеологами или несчастными жертвами общих заблуждений. Нет, на карту были поставлены реальные интересы. И участники видели их более или менее ясно. Конечно, на расстоянии двух столетий, мы можем найти некоторые из их заявлений причудливыми, непонятными или безнадежно романтичными. С удобством оглядываясь назад, мы можем поставить под сомнение средства реализации их интереса: смеяться над разрушением работных домов, негодовать по поводу использования войск против безоружной толпы. Но в ретроспективе мы также видим, что их действия следуют некой фундаментальной, видимой логике. И чем больше мы узнаем об изменениях в Великобритании XVIII в., тем более ясной и убедительной становится для нас эта логика.

Эта борьба не просто противопоставила друг другу два различных мировоззрения. Два способа социальной организации сцепились в смертельной схватке. Старый черпал силу в земле и локальности. Новый способ соединил экспансию капиталистических отношений собственности с подъемом национального государства. Многие другие изменения также берут свое начало в этой роковой комбинации: крупномасштабные организации, растущая коммерциализация, расширение коммуникаций, рост пролетариата, трансформация ткани повседневной жизни. Новый способ социальной организации победил. Мир моральной экономии распался. Но когда простые британцы XVIII в. вообще принимали участие в коллективном действии, они действовали против той или иной черты этого нового мира. В целом они выступали в защиту специфических черт моральной экономии.

Таким образом, попытки понять события 1765 г. идут по нескольким совершенно различным направлениям. Во-первых, необходимо некоторое знание конкретных обстоятельств, в которых участники оказались: проблем, с которыми они сталкивались;

врагов, стоявших перед ними; средств, находившихся в их распоряжении; их понимания того, что происходит. В Великобритании XVIII в. усилия магистратов по улучшению администрирования законодательства о бедняках, уязвимость безземельных бедняков перед колебаниями цен, сила традиции местного прямого действия против злоумышленников — все эти обстоятельства имеют решающее значение. Понимание 1765 г. также требует анализа крупномасштабных изменений, которые последовали за конфликтами; мы мало что сможем понять в характеристиках конфликтов XVIII в., пока не обнаружим совместную экспансию капитализма и рост государства. В итоге это приводит нас к обобщенному рассмотрению способов совместного действия людей, преследующих общие интересы, к изучению коллективного действия.

ТЕОРИЯ КОЛЛЕКТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ

Третья и основная проблема книги — изучение коллективного действия. В дальнейшем я нередко буду приводить исторические примеры специфических обстоятельств и часто буду предлагать объяснения, включающие государственное строительство, экспансию капитализма, индустриализацию или другие крупномасштабные структурные изменения. Однако ближайшие страницы будут посвящены исключительно общетеоретическому анализу коллективного действия.

Анализ коллективного действия — рискованное предприятие. В первую очередь потому, что слишком многие считают себя экспертами в этой области. Это немного напоминает пищу или секс, или речь. Почти каждый из нас знает о пище, сексе или речи достаточно для выживания в собственной среде, и никто из нас не любит, когда ему говорят, что он ничего не смыслит в какой-либо из этих трех областей. Но с точки зрения науки нам многому стоит научиться относительно всех трех. То же относится и к коллективному действию. Мы, как и люди XVIII столетия в Нектоне, опираемся на богатый, конкретный опыт действия в общих интересах. Более того, среди нас всегда есть опытные организаторы, готовые поделиться с нами и даже преподать нам уроки их практического опыта. Как и в изучении пищи, секса или речи, в изучении коллективного действия всегда существует риск либо отмечать очевидное, либо выдвигать гипотезы, противоречащие здравому смыслу.

Здесь все куда тоньше. В глубине каждой дискуссии о коллективном действии бурлит лава вулканических извержений: коллективное действие затрагивает вопросы власти и политики; оно неминуемо поднимает вопросы о правильном и неправильном, справедливом и несправедливом, надежде и безнадежности; сама постановка проблемы часто будет включать суждения о том, кто имеет право действовать и что хорошего принесут с собой эти действия. Обратите внимание на то, что по этому поводу говорит редакция газеты «Detroit Free Press» (October 15, 1975):

> Современный либерализм уходит своими корнями в свойственную XX в. веру в идею прогресса человечества, в то, что жизнь людей можно сделать лучше при помощи коллективного действия. В своей крайней форме это всегда была наивная вера, основанная на наивном взгляде на человеческую природу.
>
> XX век стал более бурным временем и принес с собой разочарование в идее изменения условий человеческого бытия. И вот его многочисленные трагедии: две мировые войны, Великая депрессия, часто парадоксальное воздействие технологии на человека, последствия колониализма и институционализированного расизма, рост и концентрация богатства и влияния, водородная бомба, «холодная война», плачевное положение многих городов.

(«Тяжелая штука, это ваше коллективное действие!» — написал кто-то на этой редакционной статье, прикрепленной на доску объявлений нашей исследовательской группы.) В каком-то смысле, *каждая* позиция, которая занимается относительно желательности, осуществимости или эффективности коллективного действия, является политической позицией. Тон дискуссии, которая впоследствии будет развернута на страницах книги, в основном негативный по отношению к коллективным действиям правительств и позитивный по отношению к коллективным действиям обычных людей — также является политической позицией.

В числе связанных с этой проблематикой рисков, увы, всегда присутствует искушение обсуждать ее, используя причудливую, непонятную терминологию и пугающие абстрактные модели. Однако прямое и открытое обсуждение темы также имеет свои недостатки: люди часто больше реагируют на намеки и полутона, чем на надежную информацию. Без некоторой стандартизации терминов и усилий по абстрагированию мы рискуем вовсе погрязнуть во

все более и более скрупулезном описании деталей конкретных действий. Необходимым видится поиск баланса между неточностью и терминологическим «мракобесием».

Другой риск является следствием того факта, что коллективное действие перекрывает разделение между двумя основными видами социального анализа. Речь идет о разделении каузального и целевого объяснения [Coleman, 1973, p. 1–5]. Действие индивида или группы можно рассматривать как результат воздействия внешних по отношению к индивиду или группе сил; эти внешние силы, как предполагается, *являются причиной* поведения. В этом случае мы склонны думать, что имеем хорошее объяснение тогда, когда тщательное рассмотрение положения актора позволяет более или менее точно заключить, как он будет вести себя.

Или же мы можем полагать, что индивид или группа осуществляют выбор в соответствии с некоторым набором правил, имплицитных или эксплицитных; это — *целевой* подход. В этом случае мы склонны думать, что имеем надежное объяснение тогда, когда можем приписать актору следование некоторому правилу, которое логически ведет к большинству или всем его наблюдаемым актам выбора. В сфере коллективного действия трудно строить каузальные модели, которые уделяли бы серьезное внимание интересам, недовольствам и устремлениям акторов. Так же трудно строить и целевые модели, выделяющие факторы, ограничивающие реализацию интересов, недовольств и устремлений.

Так почему бы не попытаться синтезировать эти подходы? Почему бы не совместить каузальные модели ограничений с целевыми моделями выбора из возможных курсов действия? Этот синтез на удивление трудно осуществить. Прежде чем закончить эту книгу, было потрачено немало времени на колебания между этими двумя альтернативами и на попытки их объединить.

КОМПОНЕНТЫ КОЛЛЕКТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ

В рамках анализа коллективного действия выделяют пять больших компонентов: интересы, организация, мобилизация, возможность и само коллективное действие. *Интересы,* которые занимают нас здесь больше всего, это приобретения и потери, возникающие как результат взаимодействия группы с другими группами. Далее речь

пойдет о том, что составляет соответствующую группу, а также о том, как определить или измерить реальные устойчивые интересы.

Организация, которая является предметом нашего наибольшего внимания, есть тот аспект групповой структуры, который самым непосредственным образом влияет на способность группы действовать ради достижения своих интересов. Совершенно очевидно, что одной из основных проблем является определение того, какие характеристики организации *действительно* существенны для анализа действия. Можно ли, например, сказать, что степень приверженности членов организации в значительной мере определяет форму и интенсивность их коллективного действия? Можно ли сказать, что четкость разделения труда в организации имеет большое значение?

Мобилизация — это процесс, при помощи которого группа добивается коллективного контроля над ресурсами, необходимыми для действия. В качестве этих ресурсов могут выступать рабочая сила, товары, оружие, голоса и прочие вещи, в том случае, если они используются для достижения общих интересов. Иногда группа (например, такая как община) отличается сложной внутренней структурой, но обладает малым количеством совместных ресурсов. Иногда она богата ресурсами, но все они находятся под контролем индивида. Анализ мобилизации сосредоточен на способах, которыми группы получают ресурсы и делают их доступными для коллективного действия.

Возможность касается взаимоотношений между группой и миром вокруг нее. Изменения в этих взаимоотношениях иногда угрожают интересам группы. А иногда, напротив, создают новые возможности для действия в ее интересах. Проблема в изучении возможности состоит в том, что трудно реконструировать те возможности, которые реально были доступны группе в данное время. Знание последующих событий делает предвидение групповых действий или бездействий слишком легким. Этот эффект можно минимизировать, обращаясь только к современным коллективным действиям или концентрируясь на ситуациях, в которых возможности жестко определены и строго ограничены. Однако в этом случае мы теряем способность прослеживать крупномасштабные изменения в их реальной сложности в течение значительных временных периодов.

Коллективное действие состоит из действий отдельных людей в погоне за общими интересами. Коллективное действие является результатом меняющихся сочетаний интересов, организации, мобилизации и возможностей. Постоянной проблемой, с которой сталкивается анализ коллективного действия, выступает отсутствие четких границ: люди всегда различаются от активно вовлеченных до податливо следующих, интересы варьируют от совершенно индивидуальных до почти всеобщих. Ближе к концу книги мы будем рассматривать указанную сложность при анализе революционных процессов. В этом свете нашей основной задачей будет следовать в анализе указанному маршруту: от организации к мобилизации, к коллективному действию и к революции. Особенно от мобилизации к революции.

При рассмотрении каждой из этих проблем в ходе последующего анализа осуществляется серьезный и спорный выбор. Что касается интересов, то речь идет прежде всего об экономических и политических интересах. Предпочтение отдается артикуляции интересов самой группой, а не предположениям наблюдателей-современников и нашим собственным ретроспективным суждениям о том, что было бы лучше всего для группы. Что касается организаций, то в центре внимания находятся относительно четко очерченные группы. Тем самым мы пренебрегаем двумя захватывающими группами вопросов: как возникают новые группы, ориентирующиеся на новые мировоззрения, и при каких условиях расплывчатые множества людей, такие как сети прохожих или друзей, становятся значимыми коллективными акторами. В связи с мобилизацией нас особенно интересуют факторы производства — земля, капитал, труд, техника, и мы пренебрегаем возможностью того, что установки являются для коллективного действия более значимым фактором, нежели любой из перечисленных выше. Что касается возможностей, в этой книге подчеркиваются политические возможности, коалиции, репрессии, отношения между государствами и четко очерченными соперниками в борьбе за власть над этими государствами. Что касается коллективного действия как такового, большая часть его конкретного рассмотрения имеет дело с конкурентными собраниями: речь о публично наблюдаемых собраниях, в которых конфликт интересов налицо.

ГРУППЫ, СОБЫТИЯ И ДВИЖЕНИЯ

Предмет нашего обсуждения находится на пересечении трех совмещающихся областей. Иногда нас интересует какая-то общность сама по себе. Например, мы хотим знать, что происходит с беднякими в Саффолке XVIII в. Иногда в центре нашего внимания набор представлений. К примеру, мы изучаем трансформацию идеи о надлежащем обращении со слабыми и бедными. Иногда конкретные виды действий привлекают наше внимание; мы хотели бы понять условия, при которых люди бунтуют (берут власть в свои руки). Обычно изучение коллективных действий требует, чтобы мы имели дело по меньшей мере с двумя из этих областей одновременно. Мы могли бы изобразить данную ситуацию при помощи следующей диаграммы (рис. 1.1).

В качестве основных единиц исследования коллективного действия могут быть приняты группы. Обычно мы начинаем с некоей общности людей, в которой имеется структура и члены которой разделяют общие представления. Далее мы делаем акцент на тех действиях, которые, по нашему мнению, являются результатом этого наложения структуры и представлений. Мы уделяем сравнительно мало значения другим версиям тех же представлений или другим действиям того же рода. История рабочего класса часто выражается в следующем: в большом внимании к изменениям условий жизни, работы и внутренней организации; множестве материалов, посвященных представлениям и мировоззрению; анализе тех действий, которые представляются выражением характера рабочего класса и его убеждений.

В качестве исходной точки анализа можно также принять и события. В этом случае необходимо начать с конкретной революции, церемонии или конфронтации. Или с целого класса событий: нападений на работные дома, демонстрации, революции в целом. В любом случае население и представления волнуют нас лишь в той степени, в какой они непосредственно включены в события. Исследователи «коллективного поведения» часто пользуются такой тактикой. В своем экстремальном стремлении к абстрактности такие исследователи выводят общие закономерности, объясняющие все действия определенных групп населения: например, больших толп или людей, пострадавших от катастроф.

Понятие «движение» является более сложным по сравнению с идеями групп и событий. Под общественным движением часто

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
(e-Univers.ru)